

Стефани Риччи

Там, где
расцвела
НОЧЬ

Стефани Риччи

Там, где расцвела ночь

<https://litres.ru/74359123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую ночь она стирала грань между двумя мирами, становясь ближе к тому кто проник в ее сердце, душу и сны...

Содержание

Глава 1	4
Таинственный незнакомец	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Стефани Риччи

Там, где расцветала ночь

Глава 1

Таинственный незнакомец

Его не было в ее телефонной книге, в друзьях соцсетей, в списках однокурсников или коллег. Его не существовало в мире, который начинался за порогом ее спальни. И все же, она знала его глубже, чем кого бы то ни было. Он был гостем ее снов. Их встреча была не случайностью, а законом ее ночной вселенной. Каждый раз, когда сознание Миллы погружалось в пучину сновидений, он уже ждал ее «там»... В парке из серебряных деревьев, на крыше небоскреба, плывущего по облакам, в бесконечной библиотеке с книгами, написанными светом. Он приходил, и мир вокруг останавливался. Краски становились ярче, звуки — чище, мысли — острее. Они установили правила; никаких имен, никаких адресов. Никаких попыток найти друг друга «на той стороне». Только здесь и сейчас их ночного царства. Только разговоры, которые пронзали душу, смех, который лечил, и молчание, которое было красноречивее любых слов. Они были двумя по-

ловинками одного целого, разделенного барьером реальности. Но рассвет был их коварным судьей. Каждое утро Милла просыпалась с горьким привкусом прощания на губах и смутным воспоминанием о его последнем взгляде — взгляде, полном той же немой тоски и обещания: «До завтра, если сны будут милостивы». И она жила в ожидании темноты, когда можно будет снова переступить запретную грань.

Его появление было как включение цвета в черно-белом фильме. Внезапно всё обретало смысл, объем, оттенки. Их встречи не были похожи на обычные свидания. Они не ходили в кафе или кино. Они путешествовали по ландшафтам снов, созданным их общим воображением, и говорили. Говорили так, как будто слова были не просто звуками, а живой тканью, из которой они ткут свой собственный мир. Они спорили о природе времени, делились самыми потаенными страхами, смеялись над абсурдом дневной жизни, находили общие мысли, которые казались написанными для них двоих где-то до начала времен. Он был ее зеркалом, ее эхом, ее идеальным собеседником в бескрайней вселенной сна. Они понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда. В его присутствии Милла чувствовала себя настоящей. В момент пробуждения реальность наваливалась грузом, требуя вернуть свою жительницу обратно. И каждый раз расставание было как отмирание части души. Милла открывала глаза в своей обычной комнате, и невыносимая тяжесть падала на грудь. Он исчезал. Оставалась только щемящая память о глубине и

острое чувство, что настоящая жизнь проходит где-то там, за гранью пробуждения, в ожидании следующего погружения в темноту, где, возможно, он снова будет ждать.

Вечерний город за окном гудел приглушенным, усталым шумом. Милла лежала в темноте, ощущая, как тяжесть прошедшего дня медленно растворяется в подушке. Мысли, крутившиеся по кругу, постепенно теряли четкость, расплываясь в теплой вате наступающей дремы. Тяжелые веки, тиканье часов, сливающееся с дыханием. Ощущение погружения в мягкую, бездонную темноту. И тогда, как всегда на самой грани, где сознание отпускает поводья, она почувствовала запах. Сначала едва уловимый – сладковатый, пыльный аромат сухой лаванды из бабушкиного комода. Но он креп, становился гуще, насыщеннее, обрастал оттенками: медовой сладостью пионов, терпкой свежестью роз, пьянящей нежностью цветущих яблонь. Темнота перед закрытыми веками заколебалась, растворяя реальность. Милла не открыла глаза – она провалилась сквозь них. Холод простыни под щекой сменился бархатистой прохладой лепестков под ладонью. А вместо потолка над головой раскинулся купол из глициний и сиреневый водопад, мерцающий в собственном жемчужном свете.

Она стояла в сердце сада. И она уже чувствовала его присутствие. Плавный поворот головы, и он был там. Брайан стоял под аркой из роз, улыбка тронула его губы, а в глазах

светилось то самое глубокое узнавание, которое делало этот хрупкий, цветущий мир единственно реальным. Сад возник не сразу — он пророс из темноты сна Миллы. Она видела, как появлялся свет — не солнца, а некий внутренний, рассеянный. Запах лаванды, теперь уже ясный и чистый, обнял их, как первое безмолвное приветствие. Здесь, среди вечно цветущих чудес, начиналось их пространство без времени. Будильник разорвал тишину резким звоном. Милла вздрогнула, выныривая из теплой глубины сна, где еще секунду назад ощущала присутствие Брайана. Теперь оставался лишь холодок простыни под ладонью и знакомая тяжесть в груди. Она медленно подняла тело, усевшись на краю кровати, уставившись в одну точку, чтобы перезагрузиться перед началом трудного учебного дня. Босые ноги коснулись прохладного паркета, нащупывая мягкие тапочки, спрятавшиеся под кроватью. В отражении зеркала — снова бледное лицо с синевой под глазами — оно стало отметиной бессонных ночей над учебниками по генетике, страницы которых сливались в бесконечный поток.

Рутину текла механически: короткий душ, чистка зубов, крем для лица. Волосы собраны в тугий хвост, который напоминал о вчерашнем семинаре по эпигенетике, где она так и не выучила материал. На кухне запах жареных яиц смешивался с прохладой туманного утра. Тосты подрумянились, пришла очередь авокадо, которое она обожала намазывать на хлеб толстым слоем. Она выбрала самый темный плод.

Нож легко разрезал маслянистую мякоть. Намазывая зеленую пасту на хрустящий хлеб, Милла почувствовала привычное раздражение. Не столько из-за авокадо, сколько из-за постоянного подсчета калорий, запретов и ощущения, что еда превратилась в поле боя. С тоской она вспомнила аромат свежей выпечки из киоска у метро, любимые булочки со сгущенкой и сахарной пудрой... Простоту куска пиццы и другие маленькие радости, ставшие почти недостижимыми. Грусть, усталая и тяжелая, нахлынула волной. Иногда казалось, что борьба за здоровое питание лишает жизнь простых удовольствий, оставляя только обязательства. Но взгляд на старые джинсы напомнил ей о тех самых десяти килограммах, которые она потеряла. Это были месяцы пробежек в парке, отказов и напряжения. Цифра 10 маячила в сознании как награда и как бремя. Она посыпала яйца перцем, избегая сыра. Каждый отказ отзывался тупой нотой сожаления под ложечкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.